

Материалы и сообщения

16
Ирещанин Е. М.
Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). — М., 1969.

Индарко А. В., Буданин Л.
Русский глагол. — Л., 1967.

Индарко А. В.
Принципы функциональной грамматики и вопросы лексикологии. — Л., 1983.

Ирещанин Е. М.
Русская грамматика АН СССР. Т. I. — М., 1980.

Ирещанин Е. М.
Первые вопросы теории вида глагола в советском языкознании // Русский язык за рубежом. — 1975. — № 4.

Ирещанин Е. М.
Проблема грамматической категории вида и функционально-семантическая категория аспектуальности в русском и узбекском языках. // Проблемы изучения русского языка в Узбекистане. — Ташкент, 1982.

Ирещанин Е. М.
Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент, 1934.

Ирещанин Е. М.
Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.—Л., 1960.

Ирещанин Е. М.
К основаниям сопоставительной лексикологии. — Т., 1978.

Ирещанин Е. М.
Узбекско-русский словарь. Под ред. Боровкова А. К., Акабировой С. А. и др. — М., 1959.

Ирещанин Е. М.
Аспектуальное значение аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке. // Теория грамматического значения и лексикологические исследования. — Л., 1984.

Ирещанин Е. М.
Формообразующие сложные аффиксы в узбекском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. — Ташкент, 1980.

Ирещанин Е. М.
Существует ли категория вида в тюркских языках? // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Т. I — Самарканд, 1964.

Ирещанин Е. М., Митрофанова О. Д.
Методическая проблема двуязычия. // Русский язык за рубежом. — 1979. — № 6.

Ирещанин Е. М., Борковская Н. А., Мирзаева И. Р.
Русский язык для национальных групп вузов УССР. — Ташкент, 1972.

Ирещанин Е. М.
Инсон тақдир. / Мирзаалон Исмоилий таржимаси. — Ташкент, 1964.

Доцент
Сараевского
университета
докт. филол. наук

Б. Тошович

Об одном типологическом различии в грамматико- стилистической системе русского и сербохорватского языков

Языку свойственны две тенденции — одна заключается в том, чтобы как можно точнее и экономнее выразить мысль, а другая — в том, чтобы высказывание было стилистически богатым и выразительным. Эти два противоположных требования удовлетворяются благодаря тому, что в лексической и грамматической системах языка существует целая система денотативных и коннотативных средств, разветвленная сеть языковых единиц, с помощью которых мысль можно выразить точно и стилистически ярко. При этом каждый язык создает свою стилистическую

систему, что иногда приводит к значительным межъязыковым несоответствиям.

Возможно, в грамматических системах русского и сербохорватского языков не существует большего расхождения, чем то, которое наблюдается в системе времен и причастий. В отношении этих явлений пути развития двух родственных языков разошлись. На одном «полюсе» находится русский язык, который в ходе своей истории заметно сокращал некогда разветвленную систему времен, отбрасывая формы аориста, имперфекта и плюсквамперфекта и сохраняя лишь прошедшее, настоящее и будущее времена. В системе причастий в русском языке развились четыре различные формы, таким образом, в противоположность формам времени, количество форм причастий увеличилось. На другом «полюсе» находится сербохорватский язык, сохраняющий все времена из начальной стадии развития, однако имеющий только две формы причастий. Как видим, в глагольной системе русского и сербохорватского языков на протяжении истории действовали разные тенденции. Они привели к существенному несоответствию, представляющему собой один из интереснейших контрастивных стилистических феноменов.

Различие, о котором идет речь, обусловило в сербохорватском языке более богатый стилистический потенциал в категории времен, а в русском языке — в сфере причастий. Попытаемся это объяснить.

В сербохорватском языке существуют четыре формы прошедшего времени: перфект, аорист, имперфект и плюсквамперфект, а в русском языке — только одна — прошедшее время. В стилистическом плане, основывающемся на возможности выбора, в сербохорватском языке создаются реальные предпосылки для более широкой синонимии и разнообразного выражения глагольного действия в прошлом, чем в русском языке, располагающем только одной формой прошедшего времени (здесь мы не принимаем во внимание, что и в том, и в другом языке в этой функции могут быть использованы и другие глагольные формы).

О формальном языковом соответствии можно говорить лишь на уровне: прошедшее время в русском языке — перфект в сербохорватском языке. Однако и здесь существуют различия. Во-первых, во множественном числе прошедшее время в русском языке не имеет специальных родовых форм, а перфект в сербохорватском языке такие формы имеет (сравните: *Они писали* — *Они су писали, писале, писала*). Во-вторых, перфект в сербохорватском языке — сложная грамматическая форма, состоящая из формы настоящего вре-

мени вспомогательного глагола *бити* и причастия на *-л*, а прошедшее время в русском языке — простая. В-третьих, формы русского и сербохорватского языков могут полностью соответствовать друг другу по значению, однако различаться стилистически. Это относится к так называемому краткому перфекту, форма которого идентична форме прошедшего времени русского языка. Краткий перфект — это перфект без вспомогательного глагола, усеченная форма, характерная для южнославянских языков. Глагол в форме краткого перфекта передает статичное действие, выступающее как законченный процесс. С точки зрения стилистики эта форма имеет важное значение благодаря своей способности выражать результативность и статичность, а также сильную экспрессивность. Эта форма не исчезает (как некоторые другие формы прошедшего времени), а напротив — закрепляется в определенных контекстуальных позициях. Насколько трудно перевести краткий перфект на русский язык, видно из следующих примеров:

Повоздан *гледао* сокаке, велиш? (Т, 40).
Целый день *ходил* по улицам, говоришь? (К, 32).

Пример переведен так, будто в оригинале употреблен обычный перфект; другой перевод, очевидно, невозможен.

Ярко выраженную стилистическую ценность имеют и формы аориста, которые представляют собой одну из важнейших экспрессивных сербохорватского языка. В межъязыковом отношении, особенно в сравнении с языком, в котором аорист отсутствует, как, например, в русском, его стилистический потенциал проявляется особенно рельефно. Возможность сказать *скочио сам* и *скочих*, которую имеет носитель сербохорватского языка, не существует в русском языке, при переводе на русский трудно обозначить различие между перфектом и аористом.

В большинстве случаев аорист переводится на русский язык формой прошедшего времени глаголов совершенного вида, а если возникает необходимость хоть в какой-то мере передать его коннотативное значение, прибегают к использованию настоящего исторического времени (*добе — подходит*), частицы *было* (*хтједе да плати — сунул было*), синтагмы (*признаде — взял вину на себя*), идиом (*клиснуше — давай бог ноги*) и т. д.

Имперфект также обладает стилистическим потенциалом. По сравнению с аористом, сфера употребления имперфекта уже, и встречается он в языке все реже. Имперфект фактически исчезает, и редкость его употребления при синтаксической специфичности и звуковой выразительности предопределяет его

стилистическую маркированность. С помощью имперфекта можно создать оттенок архаичности, необычности, торжественности и т. д. Чтобы это выразить на русском языке, в котором имперфект отсутствует, необходимо использовать другие средства, лексические и грамматические. Однако делается это с разным успехом. Приведем примеры:

Тај високи човјек... *бијаше* неумољив, свиреп и брз (М. 81). Этот высокий человек... был неумолим, жесток и скор на руку (ММ, 61). Те ноћи *путоваше* без престанка кроз шуму (М, 80). Всю ночь без передышки скакал Мустафа Мађяр через лес (ММ, 59) Имперфект, как правило, переводится на русский язык формами прошедшего времени глаголов несовершенного вида.

Плюсквамперфект — третья глагольная форма, не представленная в русском языке. Так же, как и аорист и имперфект, плюсквамперфект в настоящее время употребляется редко, хотя и несколько чаще, чем, к примеру, имперфект. Экспрессивность плюсквамперфекта обусловлена не только его малой употребительностью, но и наличием двух синонимичных форм — сложного и «вдвойне сложного» плюсквамперфекта (*бијаш знао* — *био сам знао*), а также тем, что он входит в синонимичные ряды с другими глагольными формами. В стилистическом отношении плюсквамперфект может служить средством архаизации повествования. При переводе на русский язык в основном используются формы прошедшего времени глаголов совершенного вида, например:

Једини Мустафа *бијаше одмакао* (М, 75). Мустафа один *вырвався* вперед (ММ, 51). ...јер у *причањима* и *очекивању* *бијаше порастао* (М, 73). ...видно, *вырос* в разговорах за долгие часы ожидания (ММ, 48).

Таким образом, при переводе с русского языка на сербохорватский необходимо учитывать, что в первом языке существует только одна форма прошедшего времени, а во втором — четыре и что в сербохорватском языке следует максимально использовать возможность выбора там, где это оправдано. Особенно это относится к литературно-художественной речи. В то же время, переводя на русский язык, нужно стремиться, насколько это возможно, с помощью других языковых средств передавать стилистическую окраску приведенных сербохорватских форм. Это указывает на значение и необходимость более глубокого анализа рассмотренного типологического различия.

Другое соотношение — соотношение причастий двух языков — является не менее важным и интересным.

В русском языке существует четыре типа причастий (действительные причастия настоящего и прошедшего времени и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени), а в сербохорватском языке — только два (причастие на -л и страдательное причастие). В сербохорватском языке нет действительных причастий настоящего и прошедшего времени (здесь мы не принимаем во внимание примеры типа *лутајуће* позориште), а также страдательных причастий настоящего времени, поэтому эти русские формы на сербохорватский язык переводятся описательно: *читающий* — *који чита*, *прочитавший* — *који је прочитао*, *читаемый* — *који се чита* и т. д. Вместе с тем, в сербохорватском языке в системе причастий есть то, чего мы не находим у русских причастий — а именно — определенная и неопределенная формы страдательных причастий (*прочитани* — *прочитан роман*). Различие между русскими и сербохорватскими причастиями состоит также и в том, что от русских причастий не образуются другие глагольные формы, в то время как в сербохорватском языке действительные причастия, наряду с выполнением собственных функций, служат для образования сложных глагольных форм, а именно: перфекта (*читао сам*), плюсквамперфекта (*био сам читао* и *бијаш читао*), будущего II (*будем читао*) и сослагательного наклонения (*читао бих*).

В вопросе о стилистическом потенциале русских причастий, их экспрессивности и выразительности мнения расходятся. М. В. Ломоносов, например, выделял повышенную тональность причастий и поэтому считал их пригодными для высокого стиля речи. А. С. Пушкин отмечал в них выразительную краткость. М. Горькому они не нравились из-за «шелестящих» звуковых сочетаний и т. д. Несмотря на различные мнения и противоположные оценки, бесспорным является факт, что русские причастия имеют немалую стилистическую ценность. По сравнению с сербохорватским языком, наблюдается их существенная стилистическая особенность — лаконичность, компактность, сжатость. Сравните:

Переправляться надо было на утлой плоскодонке, *поднимавшей* не более трех человек (С, 8). Требало се пребацивати трошним чамцем равнога дна *који је могао примити* једва три човјека (Ч, 6).

В сербохорватском переводе потребовалось употребить четыре слова, чтобы перевести только одно русское причастие. В компактных художественных структурах, какими являются поэтические, это межъязыковое несоответствие может нарушить ритмичность переводимого стиха, и поэтому переводчик

оказывается перед дилеммой: если придерживаться грамматической структуры, разрушится метрика стиха, а если задаться целью сохранить мелодический ряд, следует отказаться от принятого приема перевода. В русской поэзии причастия благодаря своей формальной, семантической и стилистической компактности употребляются очень часто. На причастиях нередко строится стихотворная рифма, что делает их перевод на сербохорватский язык еще более трудным. Переводчики обычно заменяют эти причастия другими формами, иногда и неглагольными. С помощью причастий могут создаваться особые стилистические эффекты, которые из-за межъязыкового несоответствия теряются в переводе, вследствие чего нередко нарушается стилистическая адекватность оригинала. Одним из таких приемов является сознательное нагромождение причастий, их умышленный повтор или, как крайность, оформление текста исключительно с помощью причастий, без каких-либо других глагольных форм. Возможно, самым наглядным примером этого приема служит стихотворение Д. Б. Кедрина «Я», состоящее всего из восьми строк, в котором, кроме причастий, нет ни одной другой глагольной формы. Вот как оно звучит:

Много *видевший*, много *знавший*,
Знавший ненависть и любовь,
Все *имевший*, все *потерявший*
И опять все *нашедший* вновь.
Вкус *узнавший* всего земного
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем и снова
Все *боящийся* потерять.

Из-за отсутствия соответствующих причастий в сербохорватском языке перевод не может полностью передать стилистическую информацию, которую несут в себе русские причастия. Чтобы максимально компенсировать это, необходимо найти глагольную форму, которая бы своей экспрессивностью в какой-то мере возместила по значению не существующие в сербохорватском языке причастия. Одной из возможностей могло бы стать употребление краткого перфекта, например:

Много *видио*, много *знао*,
Мрзио, често *љубио*,
Све *имао*, све *проћердао*
И поново све *добио*.
Све *овоземајско волио*,
Живота жеђан *остао*,
Благостање себи *створио*,
Залуд: у страху *остао*.

Стихотворение Д. Б. Кедрина указывает на способность причастий выражать мысль экономно, а также участвовать в организации метрики стиха. Однако этим не исчерпыва-

ются все стилистические возможности причастий. Они способны придавать высказыванию торжественную, высокую тональность, а потому употребимы в высоком стиле речи. Основное стилистическое отличие русских причастий от соответствующих форм сербохорватского языка заключается в их богатой синонимии, создающей возможность их варьирования и замены, что придает повествованию столь необходимое во всех видах языковой коммуникации разнообразие. Так, например, в русском языке благодаря причастным оборотам можно избежать чрезмерного нагромождения придаточных предложений с союзным словом *который*. В сербохорватском языке подобный прием возможен только в случае употребления страдательного причастия прошедшего времени (можно также варьировать *који* и *што*, но это не одно и то же).

Подведем итоги. Стилистический потенциал русских и сербохорватских глаголов не всегда совпадает. Различия наиболее ярко выражены в категории времен и сфере причастий. Система времен сербохорватского языка стилистически богаче и разнообразнее, чем система причастий, в то время как в русском языке ситуация обратная — по сравнению с сербохорватским языком соответствующие формы времен русского языка предоставляют меньшие возможности для выбора, варьирования, однако эти возможности шире в системе причастий. Эти типологические различия между русским и сербохорватским языками настолько явно выражены, что представляют собой важную проблему контрастивной грамматики и контрастивной стилистики этих двух языков, а также теории перевода.

Принятые сокращения

- К — Селимович Меша. Крепость. — Прогресс, М., 1974, 357 с.
М — Андрић Иво. Мустафа Маџар. — У.: Антологија босанскохерцеговачке приповјетке XX столјећа. Приредио Џемалудин Алић. Живот, Сарајево, 1980, 7—8.
ММ — Андрић Иво. Мустафа Мадџар. — В.: Андрић Иво. Избранное. Художественная литература, М., 1976.
С — Шолохов М. А. Судьба человека. — Русский язык, М., 1975, 94 с.
Т — Селимовић Меша. Твр 5 ава — Свјетлост, Сарајево, 1970, 421 с.
Ч — Шолохов М. А. Човекова судбина и друге приповјетке. — Народна књига, Београд, 1962, 229 с.